

Выявление экономических преступлений происходит путем собирания следов преступления (посредством проведения ОРМ) и их исследования. Это два неразрывных процесса, тесно связанных и взаимообусловленных, так как только путем диагностических исследований можно установить механизм следообразования, получить представление о следах, имеющих значение для уголовного процесса и раскрыть ценность оперативно-розыскной информации с точки зрения перспектив доказывания по уголовному делу (относимости, допустимости, достоверности). Реализация указанных процессов предполагает установление несоответствий между «должным» и «фактическим» в финансово-хозяйственной деятельности субъекта хозяйствования, вследствие чего обнаруживаются и фиксируются материальные и идеальные следы экономических преступлений.

Полученные следы являются отправной точкой для установления таких сложных следовых комплексов, как следы-процессы, образующиеся в результате изменений технологии производства товаров и оказания услуг (например: создание неучтенных излишков, их изъятие и сбыт похищенного; нарушение процедуры оценки имущественного комплекса; завышение объемов выполненных работ в строительстве и т. д.), следы-состояния, отражающие умышленные изменения одного или группы документов, характеризующих финансово-хозяйственную деятельность субъекта хозяйствования (например: состояние расчетов субъекта хозяйствования, представляющего оперативный интерес с контрагентами; состояние записей по учету и состояние учета субъекта хозяйствования в целом; состояние движения денежных средств по счетам организации и т. д.); следы-расхождения, формирующиеся в результате искажения отдельных операций финансово-хозяйственной деятельности (например: расхождения между сведениями о перевозчике продукции, указанными в товарно-транспортной накладной и фактической поставке, так называемая бестоварная поставка; расхождения между показаниями лиц, причастных к преступлению и данными финансовых документов; расхождения между сведениями о реальной выручке и указанным в документах, явившихся основанием для начисления и уплаты налогов и т. д.).

Указанные группы следов взаимосвязаны и позволяют сформулировать оперативно-розыскные версии о механизме экономического преступления, конкретных видах совершаемых или совершенных преступных деяний и являются отправной точкой для определения тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лиц, причастных к совершению преступлений, а также направлений фиксации их преступных действий.

3. Методы комплексной оценки информации, представленные в виде интеграционного анализа, заключающегося в сохранении механизма функционирования устойчивых внутренних связей от получения необходимой информации до сохранения ее и использования в различных вариантах (по объекту, субъекту, времени и т. п.); логического анализа, раскрывающего этапы выявления экономических преступлений, которые напрямую связаны с действиями оперативного сотрудника, направленными на установление лиц, которые могут быть свидетелями по уголовному делу, выявление предметов и документов, которые могут быть вещественными доказательствами по уголовному делу, а также получение других интересующих фактов, которые могут использоваться для организации процесса фиксации преступных действий лиц, представляющих оперативный интерес, и т. д.; метода адаптации сведений, основанного на получении, перепроверке и интерпретации информации в уголовный процесс при помощи ее оценки на основе ст. 105 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

4. Использование оперативно-розыскной информации на стадии возбуждения уголовного дела.

Предложенная методика информационно-аналитического обеспечения развивает научные представления о процессе выявления отдельных видов экономических преступлений, придает определенную структуру и практическую значимость ее использованию в подразделениях БЭП ОВД, а также способствует более эффективному познанию механизма совершения рассматриваемых преступлений.

УДК 343.1

В.С. Гайдельцов

КАТЕГОРИИ НЕГЛАСНОСТИ, КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И КОНСПИРАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Категории негласности, конфиденциальности и конспирации в нормотворчестве используются достаточно давно, в том числе и в правовом регулировании правоохранительной деятельности. Однако легитимного определения названных категорий, раскрывающих их правовое содержание, законодатель не приводил и не приводит. Это негативно сказывается как на правоприменительной деятельности в целом, так и на формировании профессионального правосознания в частности.

Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. говорил о порядке негласного разбирательства дела, негласном наблюдении и негласном полицейском разведывании. Советское государство не отказалось от негласности в сфере правового регулирования борьбы с преступностью, но использовало ее, как правило, в виде инструмента защиты информации.

В юридической науке до 1992 г., т. е. до принятия на постсоветском пространстве законов об оперативно-розыскной деятельности, проблема негласного получения информации не стояла. В законах об этом не говорилось, все вопросы решались ведомственным нормотворчеством через секретные либо совершенно секретные акты. Не только сведения об организации и тактике такой работы, но и сведения о ее проведении были недоступны для открытого обсуждения. Тем не менее в органах внутренних дел и органах государственной безопасности не было сомнений по поводу того, что основной фундаментальной категорией оперативно-розыскной деятельности (следовательно, и оперативно-розыскных отношений) является негласность.

Таким образом, после принятия в 1992 г. Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», его новых редакций в 1999 и 2015 гг., а также соответствующего модельного Закона 1997 г. положение не изменилось. Правовое содержание негласности не определено, лишь в Законе 2015 г. говорится о процедурных аспектах проведения оперативно-розыскных мероприятий негласно.

Наряду с термином негласности, законодатель в оперативно-розыском нормотворчестве активно использует термины конфиденциальность и конспирация, также не определяя их правовое содержание. Смысловое их толкование весьма различно.

В юридической науке комплексных монографических исследований по проблеме негласности оперативно-розыскной деятельности не проводится, обращение ученых к названной теме носит фрагментарный характер. Так, Н.В. Павличенко и А.С. Самоделкин применительно к оперативно-розыскной деятельности негласность представляют как статическое состояние определенной системы (информации, деятельности и т. п.), скрываемой от заинтересованных лиц. И.Н. Зубач понимает негласность с этимологической точки зрения как определенную качественную характеристику порядка какой-либо деятельности, непосредственно самой деятельности или ее результатов, которая иллюстрирует то, что ввиду определенных условий либо сама деятельность, либо ее часть, либо ее результаты скрыты и имеют специфический режим разглашения и доступа. И.И. Бранчель, О.В. Благаренко и А.В. Солтанович под негласной формой осуществления ОРД понимают случаи, во-первых, когда ОРД осуществляется при условии закрытости (недоступности) процесса осуществления этих мероприятий как для лиц, не имеющих отношения к осуществлению ОРД, так и для общественного контроля; во-вторых, когда в процессе осуществления ОРД должностные лица ее субъектов не могут официально представлять интересы органа, осуществляющего ОРД, и выступать от его имени и по его поручению.

Как представляется, оперативно-розыскная деятельность – это система мер по получению информации, необходимой для решения задач по обеспечению национальной безопасности, поставленных государством перед уполномоченными ведомствами. Эта информация добывается с помощью оказывающих содействие граждан, так и в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий как гласно, так и негласно.

Если собственник (владелец) необходимой информации не мотивирован на ее сокрытие, искажение либо уничтожение, существует возможность обратиться к такому субъекту непосредственно и получить информацию добровольно либо в результате реализации возложенной на такого субъекта обязанности. В данной ситуации исключительно важно то, что действия происходят гласно, без сокрытия от собственника (владельца) интереса и требуемого объема информации.

Когда информация крайне необходима, а ее собственник (владелец) не мотивирован на взаимодействие, сотрудничество, стремится утаить информацию, исказить ее, а нередко и уничтожить, то объективно требуется получить информацию помимо воли и желания ее собственника (владельца), т. е. тайно с использованием специальных средств, в первую очередь, технических.

Государство, в случае крайней необходимости, легализует на уровне закона тайное изъятие информации у ее собственника (владельца). В этом юридическая сущность негласности оперативно-розыскной деятельности. Она предопределяет уникальность оперативно-розыскной работы.

Опираясь на приведенное определение юридической сущности негласности как системообразующей категории оперативно-розыскной деятельности, К.В. Чупругин предложил рассматривать ее в двух формах – получения информации и защиты информации. По его мнению, о получении информации речь идет в случае проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий и использования конфиденциального содействия граждан. В ходе проведения названных негласных мероприятий информация добывается помимо воли и желания гражданина – собственника либо владельца информации.

В свою очередь, негласность как форма защиты информации выступает при оказании гражданами содействия на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и сохранения в тайне полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий данных. Негласность, как форма защиты информации, согласуется с конфиденциальностью содействия, которая подчеркивает доверительность сторон в процессе взаимодействия.

Конспирация же, представляющая собой совокупность предусмотренных действующим законодательством ограничительных мер, выступает как средство обеспечения негласности и конфиденциальности оперативно-розыскной деятельности.

Полученные К.В. Чупругиным результаты позволяют глубже понять правовую природу оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, обеспечить их эффективное взаимодействие в борьбе с преступностью и в то же время избежать необоснованного использования оперативно-розыскных мер в уголовном процессе.

УДК 346.5

В.С. Гальцов

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Начавшаяся примерно в 60-х гг. прошлого века цифровая (информационная) революция стала причиной того, что после первых попыток автоматизации технологий и бизнес-процессов мировое сообщество пришло к созданию экономик, основанных на цифровых информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ). При этом в мире нет единого понимания содержания термина «цифровая экономика». В различных публикациях можно встретить такие термины, как «информационная экономика», «креативная экономика», «интернет-экономика», «электронная экономика» и др. В свою очередь, в каждом термине ученые отражают свои вариации соединения понятий «экономика» и «информационно-коммуникационные технологии».